

ЭКРАН

ЛЮБОВНАЯ ЛОДКА РАЗБИЛАСЬ О БЫТ...

Все «новое о Маяковском» неизменно встречаю с душевной дрожью. Смертельно боюсь беспардонности, бестактности, боюсь, что кто-то в очередной раз легко отмахнется от первой же строчки в его письме-завещании: «...пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил».

И когда увидел в программе передач Российского телевидения объявление о фильме-спектакле «Последняя любовь Маяковского», запререживал вдвойне: прочел недавно в одной из городских газет еще одну статью про женщин Маяковского и заранее настроился на новые муки в двух кинолентах.

Теперь по схеме, которая легко угадывается в вышенаписанном, следует произнести: «Но все оказалось наоборот».

Нет. У меня немало появи-

лось сомнений к тому времени, когда по экрану побежали заключительные титры фильма-спектакля.

Мне кажется, что сценарист В. Муштаев напрасно уснастил текст фрагментами произведений поэта. И для актера А. Парры эти фрагменты стали в его роли проходными, чужеродными. Не потому, что известный актер не справился со строчками гениальной поэмы «Про это», — просто они не могли, не должны были органически лечь в образ, они звучали диссонансом вообще в спектакле. А спектакль и без этих вставок мог легко превратиться в заурядную литературно-музыкальную композицию. Ведь, по сути, актеры читали на два голоса воспоминания женщины, которая была рядом с Маяковским в последний год его жизни.

Этого, к счастью, не произошло. Прежде всего потому, что воспоминания Вероники

Витольдовны Полонской, написанные ею в 1938 году, отличается желание разобраться в себе: в мыслях и поступках той молодой, очаровательной женщины — актрисы Художественного театра, которая только мечтала еще о настоящей роли. Думала ли она, придя со своим мужем, Михаилом Яншиным на бега, что встретит здесь человека, который назовет ее имя в числе самых близких ему людей, когда, обращаясь к «Товарищу правительству», просил устроить им сносную жизнь...

Воспоминания Полонской пронзительны и честны. Она не приукрашивает, не оправдывает поступки той далекой Норочки — Норика (как называли молоденькую актрису близкие ей люди). Она пишет о себе, только о себе — Маяковский на страницах воспоминаний лишь источник ее переживаний — радостных, когда у них все хорошо, трагиче-

ских, когда он, мятущийся и одинокий, требует, чтобы она ушла из театра, ушла от мужа, была бы постоянно рядом с ним.

Она была последней, кто видел его живым, она была первой, кто увидел его распростертым на полу через несколько секунд после выстрела, эхо которого догнало ее у парадной двери в коммунальной квартире.

Но в официальной, канонической биографии поэта, которая начала писаться после его гибели, для Полонской не нашлось места. Был раз и навсегда определен круг людей, в который ну никак не должна была вписаться молоденькая, мало кому известная актриса. И даже в полном собрании сочинений, там, где приведено предсмертное письмо Маяковского, к имени Полонской дается сноска: «р. 1908 г. Актриса».

Запоминается такое непри-

вычное, такое неканонизованное видение Маяковского сквозь призму чувств совсем потерявшей голову Норочки Полонской. И это ощущение сумела передать играющая Полонскую актриса Театра им. Евг. Вахтангова Марина Есипенко. В этом, конечно, заслуга режиссера Владимира Загрудко, композитора Тараса Бувеского, оператора Юрия Назарова.

Но было бы несправедливо, если мы в числе создателей фильма-спектакля не назовем Государственный музей Маяковского в проезде Серова. Музей стал не только сценической площадкой фильма — он стал концепцией его повествования о жизни и смерти поэта, как бы его камертоном. Это очень хорошо почувствовалось во вступительном слове к телепремьере директора музея Светланы Ефимовны Стрижневой: какой-то совсем не директорский, а очень

личный, очень женский рассказ, в котором Светлана Ефимовна вспоминает, как встречалась она с Вероникой Витольдовной в Доме ветеранов сцены, где та в одиночестве доживала свои дни.

Полонская не торопилась запуском сценария в производство, что было бы естественно в ее преклонные годы, — наоборот, надеялась, что эта премьера на телеэкране пройдет уже без нее.

Так и получилось.

Старая мудрая женщина не хотела суеты, мельтешения репортеров, запоздалого внимания к ней. Она, слава Богу, дожила до времени, когда стало возможным, не выпрашивая разрешения у соответствующих инстанций и не коряжа написанное, согласно их указаниям, рассказать о юной, очаровательной Веронике. О последней любви Поэта.

Яков БЕЛИЦКИЙ.

Маяковский Владимир

42.95